

Анна
Измайлова

И он мой
сосед?

18+

ПЫШКА и сосед?

неприличного
размера

Анна Измайлова

Пышка и сосед неприличного размера

<https://litres.ru/74388088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я была уверена, что хуже свадебного торта за сорок тысяч, пропахшего гарью, быть уже ничего не может.

А потом познакомилась с новым соседом.

Максим — огромный, наглый и совершенно бессовестный мужик, который ходит по подъезду в одних трусах, не умеет жарить яичницу и почему-то решил, что доводить меня до бешенства — его новая любимая работа.

Я объявила ему войну.

Он почему-то решил, что это флирт.

И всё бы ничего, если бы однажды этот нахальный красавчик не прижал меня к стене и не предложил выяснить, кто из нас первым сдастся.

Спойлер: точно не я.

Содержание

Глава 1. Мужик в одних трусах	4
Глава 2. Месть со сливочным кремом	40
Глава 3. Не водите сюда женщин	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Анна Измайлова

Пышка и сосед неприличного размера

Глава 1. Мужик в одних трусах

Есть люди, которые просыпаются от запаха свежесваренного кофе. Есть те, кого будит нежное солнце, пробивающееся сквозь шторы. Особо счастливые, наверное, открывают глаза от поцелуя любимого мужчины.

Меня в шесть часов три минуты утра разбудила пожарная сигнализация.

Причём не та деликатная штука, которая интеллигентно пищит где-то в глубине квартиры, предлагая проверить, не случилось ли чего.

Нет.

Эта орала так, будто весь наш дом уже объят пламенем, крыша рухнула, а грешники организованной колонной спускаются в ад.

Я подскочила на кровати.

— Блядь!

Сигнализация завывала снова, я схватила телефон.

Шесть ноль три.

Шесть.

Ноль.

Три.

Я легла в два.

Потому что до двух часов ночи выравнивала крем на трёхъярусном свадебном торте и пыталась добиться оттенка «пыльной розы», который невеста описала мне как:

«Ну такой... розовый, только не розовый. Благородный».

Чтоб её и пыльную розу тоже. Я вывалилась из кровати и на ходу попыталась понять, что горит.

Кухня? Духовка выключена. Я точно выключила.

Господи.

Торт!

От этой мысли сон исчез моментально.

Я врзалась бедром в угол комода, высказала ему всё, что думаю о его происхождении, и понеслась на кухню.

Там было тихо. Холодильник гудел. Кофемашина молчала. На рабочем столе стояли коробки с декором.

У окна, как священная реликвия стоимостью сорок тысяч рублей, возвышался мой свадебный торт.

Белый. Идеальный. Трёхъярусный.

С тонкими сахарными веточками эвкалипта, золотыми прожилками и теми самыми грёбаными розами нужного оттенка.

Я вчера пять часов делала эти розы. Пять. Если дом действительно горит, я вынесу сначала торт.

Потом документы и коты. Коты у меня, правда, не было, но порядок приоритетов мне казался правильным.

Сигнализация опять заорала. Теперь уже из подъезда.
— Да что там?!

Я дёрнула входную дверь и только оказавшись на лестничной площадке, поняла две вещи.

Первая: никакого пожара, судя по всему, не было. Вторая: я вышла из квартиры в пижаме.

Моей любимой розовой с жёлтыми пончиками.

Причём шорты этой пижамы были рассчитаны скорее на моральную поддержку ягодиц, чем на их фактическое прикрытие.

Осознание пришло слишком поздно. Потому что напротив меня открылась соседняя дверь и появился он.

Сначала я увидела грудь. Нет. Это неправильно. Сначала там была какая-то совершенно неприличная площадь голого мужского тела. Потом уже мозг начал постепенно идентифицировать отдельные элементы.

Плечи... очень широкие. Грудь, руки, капли воды, стекающие по животу, пресс. Я никогда не понимала женщин, которые говорили, что у мужчин бывают «кубики». Мне казалось, это всё фотошоп, удачное освещение и хроническое обезвоживание.

Оказалось - существуют. Шесть штук. Кажется. Я не считала, я вообще туда не смотрела.

Почти.

Ниже на мужчине были только чёрные трусы, даже не семейные, а боксеры, обтягивающие, слишком обтягивающие для шести утра и моего душевного спокойствия.

Я резко подняла взгляд, это оказалось ошибкой номер два, потому что лицо у соседа тоже было совершенно не подходящим для спокойной жизни.

Тёмные мокрые волосы, резкие скулы, щетина, прямой нос, тяжёлый сонный взгляд человека, которого жизнь уже с утра успела хорошенько задолбать.

Большой. Вот какое слово первым пришло мне в голову.

Не высокий даже. Большой.

Я метр шестьдесят четыре, поэтому рядом с некоторыми мужчинами и так чувствую себя компактной версией человека, но этот вообще занял собой половину дверного проёма.

Он тоже посмотрел на меня, сначала в глаза.

Потом взгляд медленно опустился на пончики, я скрестила руки на груди.

— Даже не начинайте.

Одна бровь у него поднялась.

— Что именно?

Голос оказался низким и хриплым спросонья. Почему бы природе не выдать засранцу ещё и такой голос.

— Рассматривать.

— Я пытался понять, — невозмутимо произнёс он, — почему у вас пончик расположен прямо на...

— Где пожар?!

Перебила я, угол его рта дрогнул.

— Доброе утро.

— Оно было бы добрым, если бы кто-то не устроил воздушную тревогу в шесть утра.

Он посмотрел в сторону потолка, сигнализация опять издала пронзительный писк, из квартиры соседа тянуло дымом.

Я замерла, потом медленно посмотрела на него и снова на дым.

— Это у вас?

— Похоже на то.

— Что значит «похоже»?

— Значит, дым выходит из моей квартиры, следовательно, вероятнее всего, источник находится там.

Я пару секунд молча переваривала ответ.

— Вы чего такой умный с утра?

— Обычно я с утра вообще молчу.

— Может, вернём традицию?

Из-за соседней двери показалась седая голова Тамары Ивановны из сорок второй.

— Мы горим?!

— Нет! — одновременно ответили мы.

Тамара Ивановна посмотрела на соседа.

Очень долго, даже прищурилась.

— А-а-а...

По интонации я поняла: вопрос возможной гибели в огне

перестал её беспокоить.

— Новый жилец? — спросила она.

— Видимо, — ответила я.

— Максим, — сообщил мужчина.

Тамара Ивановна расплылась в улыбке.

— Очень приятно.

Мне она так никогда не улыбалась, хотя я дважды забира-
ла для неё лекарства из аптеки.

Предательство.

— Тамара Ивановна, у него кухня дымится.

— Ну и что? Молодой мужчина. С кем не бывает.

Я уставилась на неё.

— Если молодой мужчина сгорит, возраст не будет иметь
значения.

— Не сгорит, — бодро заявила она. — Вон какой здоро-
вый.

Максим кашлянул в кулак.

— Вам смешно?

— Пока да.

— Сейчас перестанет.

Я ткнула пальцем в сторону его квартиры.

— Что вы сделали?

— Яичницу.

Я моргнула.

— Что?

— Я пытался приготовить яичницу.

— И она взорвалась?

— Почему сразу взорвалась?

— Потому что нормальная яичница не требует эвакуации

жилого дома.

Он вздохнул.

— Мне позвонили.

— И?

— Я отвлёкся.

— На сколько?

— Минут на десять.

Я закрыла глаза.

— Вы оставили сковородку на плите на десять минут?

— Получается, да.

— С маслом?

Пауза.

— Возможно.

— Господи.

— Не преувеличивайте.

Я показала на дым, который уже тянулся в подъезд.

— По-вашему, это я преувеличиваю?!

Он оглянулся через плечо.

— Там ничего не горит.

— Уже.

— Именно.

— Вы готовить вообще не умеете?

Максим снова посмотрел на меня и вот тут в его взгляде

что-то изменилось, совсем чуть-чуть. Ленивая, наглая искра.

— Зато кое-что другое умею отлично.

Я молча смотрела на него.

Ага.

Ясно.

Значит, вот мы какие.

— Тушить сковородки?

Его губы растянулись в медленной улыбке и, господи, лучше бы не растягивались. Потому что раздражающий голый мужик мгновенно превратился в раздражающего очень сексуального голого мужика.

— Могу продемонстрировать.

Я захлопнула дверь прямо перед его лицом. За дверью раздалось:

— Там вообще-то сигнализация ещё работает.

— НАСЛАЖДАЙТЕСЬ!

— Хорошего утра, пончик!

Я застыла.

Медленно обернулась к двери.

— Что?!

Тишина.

— Как ты меня назвал?!

Никакого ответа.

Вот гад.

Я уже схватилась за ручку, собираясь выйти и объяснить новому соседу некоторые важные правила мирного сосуще-

ствования, но в этот момент с кухни донёлся звук уведомления.

Телефон. Я вспомнила о времени.

Шесть десять.

В восемь тридцать за тортом должен приехать курьер, в девять пятнадцать он должен быть в ресторане, в десять начинается оформление, в двенадцать приезжают жених с невестой.

А в двенадцать тридцать меня публично казнят, если цвет сахарных роз окажется хотя бы на полтона теплее референса.

Поэтому сосед мог подождать, я пошла на кухню и только тогда почувствовала запах.

Сначала слабый, гарь.

Я бросилась к торту.

— Нет!

Запах дыма здесь был сильнее, я распахнула окно, на улице шумели машины, в комнату ворвался прохладный воздух.

— Только не это...

Я наклонилась к торту, пахло. Не так, чтобы человек с улицы сразу сказал:

«О, какой чудесный торт со вкусом сгоревшей кухни».

Но я чувствовала, потому что десять лет работала с едой и отличала мадагаскарскую ваниль от обычной по запаху.

Я могла определить по аромату, что сливки начинают портиться ещё за сутки до того, как это станет заметно нормальному человеку.

И сейчас мой идеальный ванильно-малиновый свадебный торт пах гарью.

Дым каким-то образом затянуло через вентиляцию. Зря его так рано достала из холодильника.

Я закрыла глаза, посчитала до пяти. Не помогло. На семнадцати я представила, как душу соседа кондитерским мешком.

Осторожно сняла защитную коробку, приняухалась снова. Крем очень хорошо впитывает запахи, особенно когда он масляный, и если рядом открытая вентиляционная решётка.

Особенно если сосед debil.

Телефон завибрировал.

Ксения, невеста.

Ответила.

— Доброе утро!

Мой голос прозвучал на две октавы выше обычного.

— Лерочка, привет! Я не разбудила?

Я посмотрела на часы.

— Конечно нет.

Что такое сон?

Переоценённая физиологическая функция.

— Я просто волнуюсь ужасно. Всё хорошо с тортиком?

Я посмотрела на торт.

Торт посмотрел на меня, мысленно, с осуждением.

— Отлично.

— Розочки получились?

— Идеально.

— А цвет?

— Пыльная роза.

— Не лососёвый?

Я сжала зубы.

— Ни капли.

— Просто мне ночью приснилось, что они лососёвые.

Конечно. Мне вот ночью ничего не приснилось, потому что я работала.

— Всё под контролем, Ксюш.

— Господи, спасибо! Ты моя спасительница. Я всем тебя рекомендовать буду.

— Буду рада.

— Целую!

— И я.

Я отключилась, улыбка исчезла с моего лица. Я снова при-
нюхалась. Нет. Отдать его таким было нельзя.

Теоретически гости могли ничего не заметить. Практиче-
ски я уже заметила. А значит, всё.

Моя работа - это не просто торты. Это репутация.

Отзывы.

Сарафанное радио.

Одна невеста пишет «торт немного пах дымом» и через
неделю половина потенциальных клиенток уже думает, что
я выпекаю бисквиты на костре.

Я сняла пару декоративных элементов. Верхний слой кре-

ма можно переделать.

Полностью три яруса за два часа, я посмотрела на часы.

Шесть пятнадцать.

Нет.

Физически можно. Я уже открыла холодильник, когда услышала стук.

Тук-тук. Я замерла.

Тук-тук-тук.

Я прекрасно знала, кто там и я не хотела его видеть.

Вообще никогда до конца жизни, потом я посмотрела на торт и передумала, я пошла к двери, открыла.

Максим уже был в штанах, жаль. То есть хорошо. Очень хорошо. Мне вообще плевать, в чём он.

На нём были серые спортивные штаны и чёрная футболка, которая не сильно исправляла ситуацию, потому что обтягивала плечи так, словно производитель ткани рассчитывал на мужчину вдвое меньше.

В руках он держал какую-то маленькую белую коробочку.

— Мир?

— Нет.

Он посмотрел на меня.

— Даже переговоров не будет?

— Вы испортили мне торт.

Улыбка исчезла.

— В смысле?

— В прямом.

Я отступила.

— Заходите.

Он вошёл и я сразу поняла ещё одну проблему больших мужчин. Они занимают слишком много пространства.

Квартира у меня не крошечная, но Максим каким-то образом сделал прихожую меньше.

— Обувь.

Он опустил взгляд.

— Что?

— Снимите.

— Я на минуту.

— И за минуту можно наследить.

Он пару секунд смотрел на меня, потом молча снял кроссовки. Почему-то это меня немного удовлетворило. Хотя где-то власть была на моей стороне.

— Сюда.

Я привела его на кухню и показала на торт. Максим остановился.

— Ого.

— Что «ого»?

— Это вы сделали?

— Нет, ночью эльфы принесли.

Он подошёл ближе, я тут же выставила руку.

— Не трогать.

— Я не собирался.

— Вы уже уничтожили его дистанционно. Не хочу прове-

рять, что произойдёт при физическом контакте.

Он наклонился чуть ближе, принюхался.

Молчание.

— Ну?

— Торт.

— Я знаю, что это торт.

— Пахнет тортом.

Я возмущённо выдохнула.

— Потому что вы нюхать не умеете.

— Простите.

— Здесь гарь.

Он наклонился ещё раз.

— Немного есть.

— Немного?!

— Совсем чуть-чуть.

— Это свадебный торт!

— Я понял.

— За сорок тысяч.

Он выпрямился.

— Сколько?

— Сорок.

— Тысяч?

— Нет, Максим. Сорок рублей. И сверху пятьдесят копеек за золотые прожилки.

Он медленно обошёл торт.

— За еду?

— Вон.

— Что?

— Вон из моей квартиры.

— Я просто спросил.

— Никогда. Никогда не спрашивайте кондитера, почему его работа столько стоит. Особенно когда этот кондитер держал в руках палетку до двух часов ночи.

Он снова посмотрел на торт.

— Я могу заплатить.

Я замолчала.

— Что?

— Если я его испортил - заплачу.

Вот это было настолько неожиданно, что подготовленная мной обвинительная речь развалилась.

— Полностью?

— Сколько ущерб?

— Если придётся переделывать весь внешний слой, несколько тысяч минимум. Плюс если курьер не успеет забрать вовремя...

— Хорошо.

Я подозрительно прищурилась.

— Просто хорошо?

— А что вы хотели? Чтобы я сейчас упал на колени?

Мой взгляд совершенно случайно скользнул вниз на его колени и почему-то выше.

Я резко посмотрела ему в лицо, но он заметил.

Уголок его губ приподнялся.

— Хотя вариант интересный.

— Не льстите себе.

— Я ничего не сказал.

— У вас лицо сказало.

— И что именно?

— Что вы придурок.

Он рассмеялся.

Смеющийся Максим выглядел не наглым мудаком из квартиры напротив, а мужчиной, которого я вполне могла бы заметить где-нибудь в баре. Очень даже заметить.

Потом долго рассказывать подруге, что вообще-то у меня есть стандарты и вкус. А потом снова заметить.

— Вы один живёте? — спросила я.

— Это сейчас был интерес?

— Это сейчас была оценка потенциального количества пострадавших при следующем вашем завтраке.

— Один.

— Слава богу.

— Расстроились?

— Безумно.

Я натянула перчатки и начала аккуратно снимать верхний слой крема с нижнего яруса.

Максим не уходил.

— Всё?

— Нет.

— Что ещё?

Я посмотрела на него.

— Мне нужно переделывать крем.

— Я понял.

— Срочно.

— Тоже понял.

— Поэтому дверь там.

Он помолчал.

— Вам помочь?

Я замерла с лопаткой в руке.

— Чем?

— Не знаю.

— Именно.

— Может, что-нибудь подержать.

— Вы уже подержали сковородку.

— Вообще-то как раз её я и не подержал.

Невольно фыркнула и сразу разозлилась на себя.

— Максим.

— Лера.

Я нахмурилась.

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— На двери написано.

Я мысленно вспомнила маленькую табличку с названием моего ИП и контактным номером.

— А.

— Я сначала думал, вас Пончик зовут.

— Вы очень хотите умереть до семи утра?

— Не особенно.

— Тогда забудьте это слово.

— Какое?

Я прищурилась, он поднял руки.

— Всё. Забыл.

Он протянул мне коробочку, которую всё ещё держал.

— Что это?

— Я шёл извиниться.

— До того, как узнали про торт?

— Да.

Я открыла коробочку, там лежали два круассана. Я посмотрела на них, потом на него.

— Вы сейчас серьёзно?

— А что?

— Вы спалили яичницу и пришли извиняться едой?

— Я её купил.

— Это уже обнадеживает.

— Есть надежда, что я не отравлю весь подъезд?

— Небольшая.

Он усмехнулся, я снова принялась за крем.

— Вы переехали вчера?

— Позавчера.

— Ясно.

Вот почему я слышала грохот. Впрочем, я решила, что это соседи сверху в очередной раз пытались разобрать несущую

стену с помощью табуретки.

— Надолго?

— Планировал.

— Подумайте ещё.

— Из-за вас?

— Ради безопасности дома.

— Мне здесь нравится.

— Вы прожили здесь два дня.

— Именно. И уже познакомился с соседкой.

— Какая жалость.

— Причём довольно эффектно.

Я почувствовала, что он смотрит на меня. Медленно выпрямилась, на мне всё ещё была пижама.

Чёрт. Я настолько забыла о ней из-за торта, что спокойно ходила перед практически незнакомым мужиком в коротких шортах и майке, на которой прямо посередине груди красовался огромный пончик с глазурью.

Я резко стянула вниз край майки, от этого шорты, естественно, длиннее не стали.

Максим прикусил губу.

— Молчите.

— Я молчу.

— И не улыбайтесь.

— Это уже сложнее.

— Вон.

— Вы третий раз меня выгоняете.

— И почему-то всё ещё безрезультатно.

Он достал телефон.

— Дайте номер карты.

— Зачем?

— Я же сказал, ущерб оплачу.

— Я ещё не знаю точную сумму.

— Тогда напишете.

— Куда?

Он посмотрел на меня.

— Дайте телефон.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не раздаю номер мужикам в трусах.

— Я уже оделся.

— Поздно. Первое впечатление сформировано.

— И какое?

Я задумалась.

— Самоуверенный.

— М-м.

— Наглый.

— Уже интереснее.

— Потенциально опасный для газовых приборов.

— У меня электрическая плита.

— Даже хуже. Вы сумели устроить пожар без открытого огня.

Он снова рассмеялся.

— А хорошего ничего?

Я посмотрела на него. К сожалению, хорошего было.

Высокий рост, широкие плечи, крепкие руки, красивое лицо с пухлыми губами, низкий хриплый голос и трусы.

Особенно проклятые трусы.

— Круассаны неплохие.

— Жестоко.

— Жизнь вообще непростая штука.

— Я заметил.

Он разблокировал телефон.

— Диктуйте.

Я всё-таки продиктовала номер и почти сразу мой телефон, лежащий на столе, завибрировал.

Новое сообщение: *Проверка связи.*

Взяла телефон. Напечатала: *Не пишите мне без крайней необходимости.*

Ответ пришёл мгновенно: *А что считается крайней?*

Закрыла глаза.

— Вы издеваетесь?

— Немного.

— Уходите.

— Ладно.

Он пошёл к выходу, у самой двери обернулся.

— Лер.

— Что?

— Если серьёзно - извините за торт.

Я чуть растерялась.

— Хорошо.

— Деньги напишите сколько.

— Напишу.

— И... Пижама классная.

Я швырнула в него кухонным полотенцем, он успел закрыть дверь, полотенце упало на пол.

— Скотина.

Телефон завибрировал.

Снова он:

Особенно пончики.

Я заблокировала его. Потом поняла, что мне ещё нужны деньги за испорченный крем.

Разблокировала чуть позже.

Написала:

3500.

Ответ:

Куда переводить?

Я скинула номер. Через тридцать секунд пришло уведомление банка.

Перевод: *5000 .*

Нахмурилась.

Я:

Я написала 3500.

Он:

Остальное - моральный ущерб.

Я посмотрела на экран.

Я:

Мой моральный ущерб стоит дороже.

Он:

Сколько?

Я:

Выселение из квартиры.

Пауза.

Он:

Не получится.

Я:

Почему?

Он:

Я её купил.

Вот дерьмо. Я бросила телефон на стол, до приезда курьера оставался час пятьдесят минут.

Пришлось работать, следующий час прошёл в режиме гонки.

Я взбила свежий крем, сняла внешний слой, переделала покрытие, повторно закрепила декор, дважды уронила шпатель и постоянно меняла на новый, чистый.

Один раз чуть не снесла локтем миску и всё это время из-за стены что-то грохотало.

На третьем грохоте я замерла, посмотрела на стену.

— Только попробуй.

Тишина.

Я продолжила.

Грохот.

— Я серьёзно!

Естественно, Максим меня не слышал или слышал и получал удовольствие.

В семь сорок пять торт снова был идеальным, я стояла перед ним, измазанная кремом, с волосами, собранными в кривой пучок.

Я наклонилась, приняхалась.

Ваниль, малина, белый шоколад.

Никакой гари.

— Да.

Я подняла обе руки.

— Да!

И тут в дверь позвонили, я открыла, думая, что приехал курьер, на пороге снова стоял Максим.

Снова полностью одетый. Джинсы, белая футболка, часы, волосы уже высохли. И это почему-то сделало его ещё привлекательнее, что было совершенно несправедливо.

В руках он держал кружку.

— Что?

— У вас есть кофе?

Я несколько секунд просто смотрела на него.

— Простите?

— Кофе.

— У вас дома закончился?

— У меня дома его нет.

— Магазин.

— Закрыт.

— В нашем доме три круглосуточных.

— А у вас кофемашина.

Он посмотрел через моё плечо, я тоже посмотрела на свою кофемашину.

Потом обратно на него.

— Нет.

— Я заплачу.

— Нет.

— Пятьсот рублей.

— Нет.

— Тысячу.

— Вы серьёзно собрались покупать у меня чашку кофе за тысячу?

— Я хочу кофе.

— А я хочу, чтобы у меня был нормальный сосед.

— Видите. У каждого свои несбыточные желания.

Я захлопнула дверь, он успел вставить носок кроссовка.

— Ай.

— Уберите ногу.

— Кофе.

— Нет.

— Лера.

— Максим.

— Пожалуйста.

Вот это было неожиданно, я прищурилась.

— Вы знаете это слово?

— Редко использую.

— Видно.

Он поднял пустую кружку.

— Я не спал почти всю ночь. Переезд.

Человек пять часов назад практически уничтожил мой заказ, но пять тысяч перевёл, извинился, круассаны принёс.

Наверное, я могла сделать один кофе и не превращаться из-за этого в слабохарактерную женщину.

— Один.

Он просиял.

— Два.

— До свидания.

— Один.

Я отступила.

— Заходите.

— Спасибо, пон...

Я медленно повернула голову, он кашлянул.

— Лера.

— Вот именно.

Пока кофемашина молола зерно, Максим облокотился о кухонную столешницу, я чувствовала его присутствие слишком сильно и это раздражало.

Некоторые люди умеют быть незаметными, Максим явно

нет. Он был из тех мужчин, которых замечаешь сразу, даже если они молчат, особенно если они с утра уже показали тебе половину себя.

Я поставила перед ним кружку.

— Без сахара.

— Откуда знаете?

— Вы похожи на человека, который считает сахар личным оскорблением.

— Почему?

Я выразительно посмотрела на его живот, он заметил.

— Значит, всё-таки смотрели.

— Врачебно оценивала степень ожогов.

— Вы врач?

— Нет.

— Тогда оценка была не врачебная.

Почувствовала, как начинают гореть уши.

— Пейте кофе.

— С удовольствием.

Он сделал глоток, закрыл глаза.

— Господи.

— Нормальный?

— Я готов жениться.

— На кофемашине?

— Пока рассматриваю варианты.

— Она дорогая в обслуживании.

— Меня не пугает.

Звонок в дверь спас его от смерти, на этот раз действительно приехал курьер. Через десять минут мы вдвоём стояли у огромной коробки с тортом. Курьер оказался худеньким парнем лет двадцати, он посмотрел на коробку.

— А она тяжёлая?

Я посмотрела на него.

— Почти двадцать килограммов.

— А лифт работает?

— Да.

— А машина далеко...

Я медленно закрыла глаза. Господи, дай мне сил. Потому что если дашь терпение, я им кого-нибудь придушу и тут рядом появился Максим.

— Давайте.

Он просто наклонился и поднял коробку.

Я моргнула.

Курьер моргнул.

Даже торт, наверное, моргнул.

— Осторожно! — тут же завопила я. — Не наклоняйте!

— Я не наклоняю.

— Локоть выше.

— Какой?

— Правый!

— Так?

— Нет! Теперь левый ниже!

Он посмотрел на меня поверх коробки.

— Может, вы сами понесёте?

— Я не могу.

— Тогда командуйте чуть спокойнее.

— Там сорок тысяч рублей!

Курьер тихо сказал:

— Я, наверное, дверь придержу.

Мы донесли торт до лифта. Я стояла рядом и следила за каждым движением Максима.

— Не трясите.

— Я не трясу.

— Вы дышите.

Он остановился.

— Это тоже запрещено?

— Желательно неглубоко.

— Я сейчас брошу его.

— Только попробуйте.

— Шучу.

— С тортами не шутят.

— Уже понял.

Когда коробка наконец оказалась в машине, я лично закрепила её ремнями.

Дважды.

Проверила кондиционер, маршрут, адрес. Курьер уехал и я выдохнула.

— Всё.

Максим стоял рядом.

— Теперь мир?

Я посмотрела на него.

— Нет.

— Почему?

— Потому что из-за вас я переделывала торт в шесть утра.

— Я помог донести.

— Сначала создал проблему. Потом помог её решить. Это не героизм.

— Справедливо.

— И вы назвали меня пончиком.

Он улыбнулся.

— Это из-за пижамы.

— Мне плевать.

— Я не про фигуру.

Я замолчала, вообще-то я и не говорила про фигуру, но именно об этом подумала. Машинально одёрнула футболку, Максим это заметил.

— Лер.

— Что?

— Я правда про пижаму.

— Да поняла я.

— Хорошо.

Почему-то мне стало неловко, а я ненавидела чувствовать неловкость рядом с мужчинами, поэтому я немедленно вернулась к привычной линии поведения.

— Но если ещё раз так назовёте, я отравлю вас кремом.

— А он вкусный?

Я посмотрела на него.

— Очень.

— Тогда смерть достойная.

— У вас вообще инстинкт самосохранения есть?

— Был.

— Куда делся?

Он задержал взгляд на мне и я вдруг очень отчётливо вспомнила его утром.

Мокрого, голого по пояс, в чёрных боксерах.

— Пока не знаю, — произнёс он.

И почему-то живот у меня совершенно по-идиотски сжался.

Вот ещё. Не будет этого.

Я не собираюсь западать на соседа только потому, что у природы однажды случился приступ щедрости и она выдала одному человеку мышцы, нормальное лицо и способность поднимать двадцатикилограммовые торты.

Тем более он идиот, а внешность идиотизм не лечит.

Я развернулась.

— Я домой.

— До вечера.

— Почему до вечера?

— Мы соседи.

— И?

— Наверняка увидимся.

— Постараюсь избежать.

— А я нет.

Я медленно повернулась, Максим уже шёл к своей двери.

— Что это значит?

Он открыл дверь, обернулся.

— Что было приятно познакомиться, Лера.

— Мне - нет.

— Врёте.

— С чего вы взяли?

Он улыбнулся.

— Кофе всё-таки дали.

И скрылся в квартире, я осталась стоять посреди лестничной площадки.

Секунд десять. Потом показала закрытой двери средний палец. Я вернулась домой, закрыла дверь на оба замка и прислонилась к ней спиной.

Тишина. Наконец-то. Через час телефон завибрировал. Я достала его.

Сообщение от курьера.

«Торт доставлен. Всё нормально».

Слава богу и тут сверху появилось ещё одно уведомление.

Максим, квартира 45:

Спасибо за кофе.

Следом второе.

И за знакомство.

Третье.

Пижамы всё равно огонь.

Я сощурилась.

Напечатала:

Ещё одно сообщение — и я вас заблокирую.

Он ответил через секунду.

Но тогда как я сообщу о пожаре?

Я:

Горите молча.

Три точки появились практически сразу.

Злая.

Я:

Вы ещё не видели.

Заблокировала экран и пошла в душ.

На этом история могла бы закончиться. Нормальный человек принял бы душ, лёг спать хотя бы на час и постарался забыть утреннее происшествие. Но примерно через десять минут, уже стоя под горячей водой с шампунем на голове, я услышала:

БАМ.

Я замерла.

БАМ. БАМ.

Из-за стены, от соседа, я закрыла воду.

— Нет.

БАМ.

Завернулась в полотенце, вышла в прихожую.

ДРРРРРРРРР.

Дрель, он включил грёбаную дрель в почти в девять утра, после того как не дал мне спать в шесть, я медленно сняла полотенце с волос, натянула халат, вышла на площадку и начала колотить в его дверь.

Максим открыл почти сразу, с дрелью в руке, на этот раз в футболке, но без неё я уже всё равно прекрасно знала, что там.

— Да?

Я посмотрела на дрель, потом ему в глаза.

— Вы совсем охренели?

Он моргнул.

— Доброе утро второй раз.

— Какое, нахрен, доброе утро?!

— Уже почти девять.

— И?!

— Ремонтные работы разрешены.

— У вас только что был пожар!

— Это не связано.

— Конечно! Сегодня пожар, завтра дрель, послезавтра вы решите держать в квартире козу?!

Он задумался.

— Коза мне не нужна.

— Какое счастье.

— А собаку планировал.

Я прикрыла глаза.

— Максим.

— М-м?

— Я сейчас очень спокойно произнесу одну вещь.

Он опустил дрель.

— Слушаю.

— Если вы ещё раз разбудите меня...

— Так вы спали?

— Я РАБОТАЛА ДО ДВУХ!

— Понял.

— Если вы ещё раз устроите пожар, потоп, ремонт, землетрясение, массовое переселение народов или любое другое стихийное бедствие возле моей квартиры...

Он уже улыбался.

— ...я лично сделаю так, чтобы вам пришлось продавать эту квартиру.

— Угроза?

— Обещание.

Мы смотрели друг на друга. Он — явно развлекаясь. Я — выбирая, куда именно засунуть ему дрель.

— Договорились, — неожиданно сказал Максим.

— Что?

— До десяти сверлить не буду.

Я подозрительно прищурилась.

— Правда?

— Правда.

— И готовить.

— Это уже диктатура.

— Особенно готовить.

Он поднял ладонь.

— Ладно.

Я развернулась.

— Лера.

— Что ещё?

Его взгляд скользнул по моему халату.

Господи. Я только сейчас вспомнила, что под ним у меня ничего нет. Совсем. Запахнула его плотнее.

Максим поднял глаза к моему лицу и улыбнулся так, что мне немедленно захотелось совершить уголовно наказуемое деяние.

— Пончики мне нравились больше.

Я молча показала ему средний палец, он рассмеялся. Вошла в квартиру, захлопнула дверь, повернула замок.

И только после этого тихо сказала:

— Всё.

Что ж.

Он ещё плохо меня знает.

Я умею работать сутками без сна, могу голыми руками вылепить двести одинаковых сахарных лепестков и однажды я заставила невесту признать, что цвет «жемчужно-бежевый с холодным подтоном» вообще-то называется серым.

У меня железные нервы, огромный запас фантазии и ключ от электрощитка на нашем этаже.

Глава 2. Месть со сливочным кремом

На следующее утро я проснулась от тишины и некоторое время лежала, глядя в потолок, потому что не понимала, что именно меня беспокоит.

Тишина была подозрительной.

Из-за стены не раздавались звуки падения мебели, человеческие крики и ржание козы, которой у Максима, по его собственным словам, пока не было.

Я осторожно посмотрела на часы. Девять сорок семь.

Прекрасно. Перевернулась на другой бок и тут же вспомнила вчерашнее утро.

Пожар, торт, пижама, трусы.

Нет.

Пижаму вспоминать можно.

Трусы — нет.

Особенно содержимое.

Не содержимое.

Господи.

Форма.

Вот.

Именно форма.

Я вообще ничего не рассматривала.

Просто человеческий мозг устроен так, что фиксирует потенциально опасные объекты.

А объект был...

Я натянула одеяло на лицо.

— Лера, хватит.

Сказала это вслух, потому что иногда человеку нужен рядом взрослый разумный собеседник, у меня такого не было, поэтому приходилось справляться самой.

Я встала.

Сегодня обещал быть нормальный день.

У меня было всего два заказа.

Точнее, один уже готовый торт нужно было отвезти к четырём часам, а второй — начать собирать вечером.

Никаких свадеб, невест с пророческими снами про лососёвые розы, срочных переделок.

И, главное, никаких соседей.

Я заварила кофе, села за стол и открыла вчерашние расходы.

Вот тут настроение слегка испортилось.

Потому что когда вчера я на эмоциях написала Максиму «три пятьсот», я посчитала только сливочный сыр, масло, шоколад и часть декора.

А потом выяснилось, что пришлось доплатить курьеру за срочную подачу.

Плюс я выбросила половину готового крема.

Плюс использовала запас шоколада, который предназна-

чался для сегодняшнего торта, поэтому утром заказала новый с доставкой.

Плюс...

Я взяла калькулятор.

И начала считать.

Через пять минут на экране появилась сумма.

8 740 рублей.

Я посмотрела на неё, потом на перевод Максима.

Пять тысяч.

Разница три семьсот сорок. Открыла переписку.

Я: *Доброе утро.*

Ответ прилетел через полминуты.

Максим: *Неожиданно.*

Я нахмурилась.

Что неожиданно?

Он:

Что вы первая мне написали.

Вот зараза.

Я:

Не обольщайтесь. У меня окончательный расчёт ущерба.

Пауза.

Он:

И тут я понял, что романтики не будет.

Я:

8 740.

Ответа не было секунд десять.

Он:

Чего?

Я:

Рублей.

Он:

Это я понял. Я спрашиваю: чего 8740?

Я:

Ущерба.

Он:

Я не квартиру вам сжжёт.

Я:

Спасибо, что уточнили.

Он:

Я испортил немного крема.

Я медленно поставила чашку.

Немного крема.

Ах ты ж... Я начала печатать.

Сливочный сыр — 1460. Масло — 780.

Белый шоколад — 1270. Декор — 850.

Срочная доставка продуктов — 690.

Доплата курьеру за изменение времени — 1200.

Остальное — расходники и моя работа.

Он:

Вы включили в счёт свою работу?

Я:

Представьте себе.

Он:

И сколько стоит один час вашей работы?

Я прищурилась.

Я:

Для вас — дорого.

Он прислал смеющийся смайл, ненавижу смеющиеся смайлы, особенно когда смеются надо мной.

Я:

Переводите остаток.

Он:

Нет.

Я даже телефон от лица отодвинула. Что значит «нет»?

Я:

Что значит нет?

Он:

То и значит. Сумма издевательская.

Я встала, в халате, с телефоном в руке и пошла в прихожую.

По дороге написала:

Откройте дверь.

Ответ:

Мне уже страшно.

Я вышла на площадку и нажала звонок, Максим открыл почти сразу.

К счастью, одетым. К сожалению — очень хорошо одетым. На нём были тёмные спортивные брюки и серая фут-

болка.

— Доброе утро, — сказал он.

— Восемь тысяч семьсот сорок рублей.

— И вам доброе.

Я сунула ему под нос телефон.

— Вот расчёт.

Он посмотрел на экран, потом на меня.

— Вы правда пришли лично выбивать три тысячи семьсот сорок рублей?

— Да.

— Я впечатлён.

— Не надо впечатляться. Надо переводить.

Он открыл дверь шире.

— Кофе будете?

— Нет.

— Вчера я к вам ходил за кофе.

— Именно поэтому сегодня я предусмотрительно пришла со своим давлением.

— Чего?

— Оно у меня уже высокое.

Он хмыкнул.

— Заходите.

— Я не собираюсь заходить.

— Тогда весь этаж будет знать, что я задолжал вам за сливочный сыр.

Я оглянулась. Дверь Тамары Ивановны была закрыта, но я

точно знала, что за ней уже кто-то дышит. Тамара Ивановна каким-то образом всегда чувствовала мужское присутствие на площадке. Особенно если мужчина был моложе шестидесяти.

— Ладно.

Вошла и впервые нормально увидела квартиру Максима. Точнее, то, что от неё осталось после переезда.

Коробки, диван в плёнке, телевизор прямо на полу, у стены стоял огромный спортивный рюкзак.

На кухонной стойке — кофемашина. Я остановилась, посмотрела на неё.

Потом на Максима.

— У вас есть кофемашина.

Он тоже посмотрел.

— Теперь есть.

— Вчера не было.

— Вчера не было.

— Вы купили её за один день?

— Утром заказал.

Я прищурилась.

— Из-за того, что у меня хороший кофе?

— Из-за того, что вы берёте за чашку слишком дорого.

— Я вообще-то бесплатно вам сделала.

— Тем более подозрительно.

Он поставил чашку под носик.

— Эспрессо?

— Нет.

— Капучино?

— Нет.

— Латте?

— Максим.

— Молчу.

Он нажал кнопку, кофемашина загудела. Я скрестила руки.

— Деньги.

— Нет.

— Тогда я заберу кофемашину.

Он посмотрел на меня.

— Она стоит сто двадцать тысяч.

— Прекрасно. Сдам сдачу.

— Вы опасная женщина.

— А вы задолжали опасной женщине деньги.

Он сделал глоток.

— Давайте разберёмся.

— Мы уже разобрались.

— Я заплатил пять тысяч.

— Ущерб больше.

— Я согласен оплатить продукты.

— И мою работу.

— Нет.

Я уставилась на него.

— Почему?

— Потому что вы всё равно работали бы эти два часа.

Я даже рассмеялась.

От возмущения.

— Вы сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— Максим, если бы не вы, я бы эти два часа спала!

— Но вы сами сказали, что работаете сутками.

— Это не значит, что каждый может прийти и добавить мне работы бесплатно!

— Я не пришёл. Дым пришёл.

Я раскрыла рот, он уже улыбался.

— Очень смешно.

— Немного.

— Знаете что?

Я повернулась к двери.

— Лера.

— Всё. Я поняла. Вы тот тип мужчин, который может спокойно купить кофемашину за сто двадцать тысяч, но будет торговаться из-за трёх тысяч.

— Не поэтому.

— А почему?

Он поставил чашку на стол.

— Потому что мне нравится, когда вы злитесь.

Я зависла.

— Что?

— У вас нос смешно морщится.

Медленно коснулась носа и тут же отдёрнула руку.

— У меня ничего не морщится.

— Уже нет.

— Вы больной?

— Нет.

Я несколько секунд смотрела на него. Он — на меня.

И опять эта дурацкая вещь. Когда он переставал ухмыляться и просто смотрел, мне почему-то становилось неудобно стоять.

Как будто ноги резко вспоминали, что существуют колени.

Я первой отвела взгляд.

— Деньги.

— Есть другое предложение.

— Не интересуется.

— Даже не слышали.

— От вас хорошие предложения не исходят.

— А вчера круассаны?

— Купленные.

— Но хорошие.

— Слушаю.

Он облокотился бедром о столешницу.

— Я отработаю.

Я нахмурилась.

— Что?

— Ущерб.

— Каким образом?

— Вам помощь нужна?

— Нет.

— Врёте.

— С чего вы взяли?

Он оглядел квартиру.

Хотя из кухни моей квартиры он сейчас вообще ничего не мог видеть.

— Вы одна делаете торты.

— И?

— Их надо возить.

— Есть курьеры.

— Вчера ваш курьер чуть не умер при виде коробки.

— Ему было двадцать два и он весил меньше самого торта.

— Вот именно.

Я подумала. Сегодняшний торт действительно нужно было отвезти самой. Точнее, должен был приехать мой постоянный водитель Саша.

Но утром он написал, что машина в сервисе и не уверен, успеет ли.

Торт был высокий.

Не двадцать килограммов, конечно, но тоже не коробка конфет.

Максим словно прочитал выражение моего лица.

— Есть доставка сегодня?

— Есть.

— Я отвезу.

— Торт я вам не доверю.

— Вчера доверили.

— Вчера у меня не было выбора.

— И он доехал.

— Чудом.

— Я даже не уронил его.

— Хотите медаль?

— Можно деньгами.

Я закатила глаза.

— Какая у вас машина?

— Большая.

— Это марка?

— Нет.

— Мне нужна ровная поверхность в багажнике. Без на-
клона.

— Есть.

— Кондиционер?

— Есть.

— Нормальная подвеска?

— Лера, у меня не телега.

— После яичницы я обязана уточнять очевидные вещи.

Максим рассмеялся.

— Во сколько ехать?

— Я ещё не согласилась.

— Согласились.

— Нет.

— Вы уже спросили про кондиционер.

Зараза.

— В три тридцать.

— Куда?

— Ресторан на Рублёвском шоссе.

— Отлично.

— Что отличного? Там вечно пробки.

— Значит, будет время познакомиться поближе.

— Нет.

— Что нет?

— Мы не будем знакомиться поближе.

— Почему?

— Потому что мне достаточно информации.

— Какой?

Я начала загибать пальцы.

— Вы не умеете готовить. Сверлите стены утром. Ходите по подъезду в трусах. Не платите долги. Провоцируете соседей.

— Первое спорно.

— Вы сожгли яйца.

— Одно яйцо.

— Это многое меняет.

— Второе — ремонт разрешён.

— Продолжайте оправдываться.

— В трусах я не по подъезду ходил. Я вышел из своей

квартиры во время пожарной тревоги.

— Героически.

— А долг я сейчас отрабатываю.

— Мы ещё не договорились.

Он протянул руку.

— По рукам?

Я посмотрела на его ладонь, большую, с длинными пальцами.

Почему я вообще это заметила? Мне совершенно не нужно знать, какие у него пальцы.

Я хлопнула его по ладони.

— По рукам.

Он сжал мои пальцы, но почему-то не отпустил сразу.

Я подняла взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Тогда руку верните.

— Жалко.

— Максим.

Он отпустил.

— В три тридцать.

— В три пятнадцать.

— Вы сказали три тридцать.

— Теперь три пятнадцать. За опоздание штраф.

— У вас всё штраф?

— С вами иначе нельзя.

Я ушла.

А уже закрывая дверь, услышала:

— Лер!

Я приоткрыла.

— Что?

— А форму оплаты натурой вы не рассматриваете?

Я захлопнула дверь, из-за неё донёсся смех.

— Мудак.

Но улыбнулась, совсем чуть-чуть. К трём часам торт был готов и прекрасен.

Я вообще редко хвалю собственные работы вслух, потому что после десятого часа рядом с тортом начинаешь видеть исключительно недостатки.

Здесь линия неровная, там цветок на миллиметр выше, тут золотая крошка легла слишком плотно.

Но этот получился реально хорошим.

Два яруса. Молочное покрытие. Карамельные потёки.

Свежая клубника, макарены, маленькие шоколадные сферы.

Всё довольно лаконично.

Без лебедей, женихов из мастики и фигурок людей, которые почему-то всегда похожи на жертв неудачной пластической операции.

Заказ был на день рождения женщины.

Пятьдесят лет, заказывала дочь. Судя по переписке человек непростой.

Она трижды меняла надпись. Сначала «Мамочке 50».

Потом потребовала убрать цифру пятьдесят, потому что «мама расстроится».

Потом решила написать:

«Женщине всегда восемнадцать».

Через десять минут:

«Это пошло».

В итоге на торте вообще не было надписи и я была счастлива. В три десять в дверь позвонили, я открыла.

Максим стоял с ключами от машины в руке и выглядел подозрительно хорошо.

На нём были джинсы и чёрная футболка.

Опять.

Я вообще начала подозревать, что других вещей у него нет.

— Вы специально каждый день выходите в одной футболке?

Он посмотрел на себя.

— Эта другая.

— Они одинаковые.

— Эта чёрная.

— Вчера тоже была чёрная.

— Вчера была графитовая.

Я моргнула.

— Вы сейчас серьёзно?

— Да.

— Мужчина, который не отличает нормальную яичницу от пожара, различает чёрный и графитовый?

— У меня много талантов.

— Один из них я уже видела.

— Какой именно?

Взгляд был такой, что я поняла: он специально.

— Сковородка.

— А.

Он улыбнулся.

— Я уже подумал, вы про трусы.

— Я про трусы вообще не думаю.

— Конечно.

— Никогда.

— Верю.

— Максим!

— Где торт?

Я молча отступила, он вошёл, на этот раз обувь снял без напоминания.

Прогресс.

— Ого.

Он подошёл к коробке.

— Не трогать.

— Я просто смотрю.

— Руки в карманы.

— Лера...

— В карманы.

Он демонстративно сунул ладони в джинсы.

— Так лучше?

Почему эта поза сделала его ещё более раздражающе привлекательным, я не знаю.

— Намного.

— А если у меня нос почешется?

— Терпите.

Я достала транспортировочную подложку.

— Сейчас берём коробку вместе.

— Я сам.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вчера вам просто повезло.

— Я могу поднять.

— Я вижу.

И снова сама посмотрела на его руки. Лера, молодец. Продолжай. Скоро начнёшь оценивать окружность бицепса рулеткой.

Я резко отвела взгляд.

— Но поднимать мало. Его нужно держать строго горизонтально.

— Я справлюсь.

— Если уроните...

— Заплачу.

— У вас денег не хватит.

— Теперь мне даже интересно, сколько стоит этот.

— Двадцать восемь.

Максим посмотрел на коробку.

— Тысяч?

— Да.

— За вот это?

Я медленно подняла голову.

— Что значит «вот это»?

— Красивое.

— Уже лучше.

— Но двадцать восемь?

— Хотите, я сейчас начну подробно рассказывать себестоимость бельгийского шоколада, свежих ягод и моей работы?

— Нет.

— Тогда молчите.

— Понял.

Мы донесли торт до лифта, Максим не жаловался, я начала испытывать к нему нечто похожее на уважение.

Примерно на четыре процента. Машина оказалась огромным чёрным внедорожником.

Я остановилась.

— Это ваша?

— Нет, угнал.

— Очень смешно.

Он открыл багажник и вот тут я действительно оценила. Большой.

Чистый.

Ровный.

Никаких сумок, бутылок, спортивных вещей и мужского хлама, которым обычно заполнены машины мужчин, заявляющих: «Да там полно места».

— Нормально? — спросил Максим.

Я провела ладонью по поверхности.

— Нормально.

— Какое мощное одобрение.

— Не привыкайте.

Мы установили коробку. Я укрепила её нескользящим ковриком.

Проверила.

Ещё раз проверила.

Максим стоял рядом.

— Всё?

— Нет.

Проверила третий раз.

— Теперь всё.

— Может, ещё сфотографируете положение молекул воздуха?

Я закрыла багажник.

— Поехали.

Он открыл мне пассажирскую дверь.

Я остановилась.

— Что?

— Садитесь.

— Я умею сама открывать.

— Не сомневаюсь.

— Тогда зачем?

— Воспитание.

— Не похоже на вас.

— Вы меня почти не знаете.

— И уже устала.

Он усмехнулся, я села, салон пах кожей и чем-то мужским, не парфюмом даже.

Просто...

Нет.

Мы не будем анализировать запах соседа. У меня есть достоинство.

Немного, но есть.

Максим сел за руль.

Я сразу пристегнулась.

— Аккуратно.

Он завёл двигатель.

— Я ещё не тронулся.

— Предупреждаю заранее.

— Сколько километров в час разрешаете?

— Не быстрее потока.

— Очень щедро.

— На поворотах медленно.

— Да.

— Через лежащие полицейские почти остановиться.

— Да, мама.

Я повернула голову.

— Что?

— Ничего.

— Вы сейчас называли меня мамой?

— Случайно.

— Ещё раз - пойдёте пешком.

— Это моя машина.

— Тем более будет обидно.

Он рассмеялся и выехал со двора.

Первые пять минут всё шло прекрасно. Он действительно ехал аккуратно.

Не перестраивался резко. Не тормозил в последний момент.

Не пытался доказать другим водителям, что размер его достоинства напрямую зависит от того, кого он успеет обогнать перед светофором.

Я немного расслабилась.

Совсем немного.

— Ну? — спросил он.

— Что?

— Можете признать.

— Что?

— Я нормально вожу.

— Не сглазьте.

— Вы вообще хвалить умеете?

— Тех, кто заслужил.

— И многие?

— Три человека.

— Кто?

— Моя бабушка. Мой преподаватель в колледже. И курьер, который однажды приехал на пятнадцать минут раньше.

— Высокие стандарты.

Он переключил музыку, из динамиков заиграл старый рок.

Я покосилась.

— Что?

— Ничего.

— Не нравится?

— Я думала, у вас будет что-нибудь типа «ты моя киса, я твой тигр».

Максим медленно повернул голову.

— Почему?

— Не знаю.

— Нет, мне интересно.

— По общему впечатлению.

— Какому?

— Самоуверенному.

— То есть самоуверенные мужчины слушают музыку про кис?

— В моём исследовании выборка небольшая.

— Сколько?

— Два бывших.

— О.

Он кивнул.

— Мы дошли до бывших.

— Мы никуда не дошли.

— Как звали?

— Кого?

— Бывших.

— Не ваше дело.

— Один точно был Андрей.

Я нахмурилась.

— Почему Андрей?

— У вас лицо такое.

— Какое ещё лицо у женщин, которые встречались с Андреем?

— Разочарованное.

Я прыснула, не удержалась.

— Вообще-то одного звали Артём.

— Я был близко.

— Вообще нет.

— На «А».

— Тогда второго звали Сергей.

— Подпортил статистику.

Усмехнулась и только через пару секунд поняла, что мы нормально разговариваем.

Я посмотрела в окно.

— А у вас?

— Что у меня?

— Ничего.

— Нет уж. Начали.

— Я не начинала.

— Сказать сколько бывших?

— Не интересно.

— Ревнуете?

Я повернулась так резко, что чуть не ударилась коленом.

— Кого?!

Он засмеялся.

— Господи, Лера.

— Вы ненормальный.

— Я пошутил.

— Я вас знаю второй день.

— Именно. Рано ревновать.

— Рано?!

— Через неделю можно.

Я взяла телефон.

— Я сейчас отменю договор.

— Какой?

— По отработке ущерба.

— Мы уже в пути.

— Высажу вас.

— Опять же моя машина.

— Найду способ.

Он продолжал улыбаться, я открыла навигатор и увидела красную... сплошную.

— Нет.

— Что?

— Нет-нет-нет.

— Что случилось?

— Пробка.

— Бывает.

— Мы не успеем.

— У нас час двадцать.

— Навигатор показывает час десять.

— Значит, успеем.

— Это сейчас час десять! Через пять минут станет час двадцать!

— Лера.

— Что?

— Торт не взорвётся в четыре ноль одну.

— Клиент будет ждать.

— Пять минут переживёт.

— Вы не знаете клиентов.

— Вы слишком нервная.

Я медленно повернула голову.

— Никогда.

— Что?

— Никогда не говорите женщине, которая перевозит торт

за двадцать восемь тысяч через московскую пробку, что она нервная.

— Почему?

— Потому что можно получить этим тортом.

— Жалко торт.

— Вот поэтому вы пока живы.

Мы встали.

Наглухо.

Пять минут.

Десять.

Пятнадцать.

Я обновляла маршрут каждые тридцать секунд.

— От этого быстрее не станет, — заметил Максим.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Контроль.

— Вы любите всё контролировать?

— Да.

— Заметно.

— Это плохо?

— Пока не решил.

Я посмотрела на него.

— А вас кто спрашивал?

— Никто. Я сам инициативный.

— Это тоже заметно.

Через двадцать минут мы продвинулись метров на триста,

Максим спокойно сидел за рулём.

Я уже мысленно писала клиенту сообщение с извинениями.

— Хотите жвачку?

Я посмотрела на его протянутую пачку.

— Нет.

— Воду?

— Нет.

— Есть батончик.

— Нет.

— Вы ели сегодня?

— Максим.

— Что?

— Не надо обо мне заботиться.

Он поднял бровь.

— Я предлагаю батончик.

— Вот и не предлагайте.

— Хорошо.

Пауза.

— А почему?

— Что почему?

— Почему не надо заботиться?

Я медленно повернулась, он смотрел на дорогу, будто спросил что-то совершенно обычное.

— Потому что я сама могу о себе позаботиться.

— Одно другому не мешает.

— Ехать надо, — пробормотала я.

— Стоим.

— Я вижу.

— Тогда может, батончик?

— Давайте.

Он молча протянул, я взяла. Шоколадный.

— У вас это всегда в машине?

— После тренировки ем.

— Вы тренируетесь?

И тут же чуть не подавилась собственным вопросом.

Максим медленно повернул голову.

Потом посмотрел на меня так выразительно, что мне захотелось выброситься из машины.

На скорости ноль километров в час это выглядело бы особенно унижительно.

— Нет, — сказал он. — Никогда.

— Я просто спросила.

— Конечно.

— Может, вы таким родились.

— Каким?

Вот сволочь.

— Высоким.

— А.

Угол его рта дёрнулся.

— Высоким да.

Я отвернулась к окну.

— Извращенец.

— Это вы додумываете.

— Я ничего не додумываю.

— Пока.

Я развернула батончик, сделала укус, очень вкусно.

— Вы кондитер и едите магазинный шоколад? — удивился Максим.

— А что?

— Я думал, вы из тех людей, которые скажут: «Фу, тут какао-масло неправильной ферментации».

— Я ем всё.

— Всё?

— Почти.

— Хорошее качество.

— Почему?

— С вами легко выбрать ресторан.

Я доела батончик. Пробка наконец начала двигаться. Через сорок минут мы выехали на более свободный участок. Я выдохнула.

— Успеваем.

— Я говорил.

— Не радуйтесь раньше времени.

— За час вы четыре раза сказали, что мы опоздаем, дважды предположили, что торт упадёт, и один раз проверили, не открылся ли багажник.

— Я слышала звук.

— Это была банка в подстаканнике.

— Я не обязана разбираться в ваших звуках.

Он покосился на меня.

Мы приехали за семь минут до назначенного времени. Я почувствовала такое облегчение, будто лично посадила самолёт с отказавшими двигателями.

— Стоим здесь.

Максим припарковался. Я выскочила из машины первой.

— Осторожно открывайте.

— Багажник автоматический.

— Тогда пусть автоматический осторожно открывает.

— Передам ему.

Коробка стояла идеально. Ничего не сдвинулось.

Я осмотрела её.

— Всё нормально.

— Можно похвалить водителя.

— Не переоценивайте себя.

— Хотя бы четыре с плюсом?

— Четыре с минусом.

— За что минус?

— Разговоры.

Он усмехнулся, мы взяли коробку.

И понесли к входу.

Ресторан был из тех, где у входа стояли две машины дороже моей квартиры, а девушка на ресепшене выглядела так, будто её отдельной обязанностью было оценивать стоимость

твоей одежды.

Она посмотрела на меня, потом на коробку, на Максима, на нём задержалась дольше.

Конечно.

— Торт на юбилей Валентины Сергеевны, — сказала я.

Девушка проверила планшет.

— Да. В банкетный зал.

— Кто принимает?

— Сейчас позову Ольгу.

Мы поставили коробку на тележку.

Я уже собиралась выдохнуть окончательно, когда к нам быстрым шагом направилась женщина лет тридцати пяти.

Очень ухоженная, стройная и недовольная. Я узнала её по фотографии в мессенджере.

Клиентка.

— Валерия?

— Да. Здравствуйте.

— Вы опоздали.

Я посмотрела на часы.

— Мы приехали на семь минут раньше.

— Я просила быть заранее.

— В переписке указано пятнадцать тридцать.

Она поджала губы.

— Хорошо. Показывайте.

Я осторожно открыла транспортировочную коробку.

Ольга наклонилась, долго смотрела.

Молчала.

Когда клиент молчит после открытия торта, у кондитера начинает дёргаться глаз.

— Ну?

— Я смотрю.

Смотрите быстрее, женщина, у меня сердце не казённое.

— Цвет немного не такой.

Я моргнула.

— Какой?

— Я просила бежевый.

— Это и есть бежевый.

— Он какой-то молочный.

Я достала телефон.

Открыла переписку.

— Вы присылали вот этот оттенок.

Она мельком посмотрела.

— На экране всё иначе.

Я глубоко вдохнула.

Спокойствие, Лера. Ты профессионал. Ты не можешь ударить клиентку шоколадной сферой.

Даже если очень хочется.

— Освещение тоже влияет. В зале цвет будет немного теплее.

Ольга посмотрела на макарены.

— А их столько и должно быть?

— Да.

— Мне кажется, на референсе больше.

— На референсе торт трёхъярусный.

— И?

Я улыбнулась.

— Наш двухъярусный.

— Я вижу.

Прекрасно, уже успех. Она обошла тележку.

— Ну ладно.

Вот это «ну ладно» было хуже прямого оскорбления. Потому что двадцать часов моей работы только что получили оценку «ну ладно».

Я закрыла коробку.

— Тогда подпишите приёмку.

Она взяла телефон и вдруг посмотрела на меня внимательнее, с головы до ног.

Я была в джинсах и свободной рубашке.

Ничего необычного.

— Вы сами всё это печёте? — спросила она.

— Да.

— Каждый день?

— Практически.

— Удивительно.

Я сразу поняла, куда идёт разговор и уже знала, что мне не понравится пункт назначения.

— Что именно?

Она улыбнулась.

— Просто столько сладкого вокруг постоянно. Я бы боялась. В смысле фигуры, — пояснила она.

Разумеется, а то вдруг я не поняла.

— Я не боюсь.

— Ну да.

Она снова посмотрела на мои бёдра.

— Это заметно.

У меня внутри что-то щёлкнуло. Лет в двадцать мне было бы больно. В двадцать пять я бы весь вечер рассматривала себя в зеркале. В двадцать девять я научилась понимать простую вещь:

если человек — мудака, мои килограммы здесь вообще ни при чём.

Я улыбнулась.

— Подпишите?

Но договорить она не успела.

Потому что рядом со мной раздался совершенно другой голос.

Спокойный, низкий и очень холодный.

— С ней разговаривайте нормально.

Я повернула голову. Максим стоял в паре шагов, я вообще забыла, что он здесь. До этого он молча смотрел в телефон.

Теперь уже смотрел на Ольгу и выражение его лица мне не понравилось бы, будь оно направлено на меня.

Клиентка тоже слегка растерялась.

— Простите?

— Вы прекрасно слышали.

— Максим...

Начала я.

Он даже не посмотрел.

— Человек привёз вам заказ. Вовремя. Торт соответствует тому, что вы согласовали. При чём здесь её фигура?

Ольга моргнула.

— Я вообще-то ничего такого не сказала.

— Сказали.

— Это был просто комментарий.

— Тогда оставьте комментарии о её теле при себе.

В воздухе стало очень тихо.

Девушка с ресепшена внезапно нашла что-то невероятно интересное в своём планшете.

Я смотрела на Максима и не понимала, что делать.

Потому что вот это было... Неожиданно.

Совсем. Я привыкла защищаться сама, мне не нужна была помощь.

Я умела поставить человека на место, иногда даже красиво, иногда матом.

Зависело от обстоятельств. Но Максим не дал мне даже начать.

Ольга поджала губы.

— Я не хотела никого обидеть.

— Отлично, — сказала я, наконец найдя голос. — Тогда закрыли тему.

Она быстро поставила подпись в приложении.

— Торт поставьте в холодильник. Официанты покажут.

— Хорошо.

Мы отвезли коробку на кухню, я проверила температуру холодильника, проверила полку. Сделала фотографию торта на месте, попросила сотрудника расписаться и только после этого вышла.

Максим ждал в коридоре.

Я прошла мимо.

— Поехали.

Он догнал.

— Что?

— Ничего.

— Вы молчите.

— И?

— Обычно вы не молчите.

— Наслаждайтесь редким моментом.

Мы вышли на улицу, я шла к машине, он рядом.

— Лер.

— Что?

— Вы обиделись?

Я остановилась.

— На вас?

— Да.

— За что?

— Что вмешался.

— Не знаю.

— В смысле?

— В прямом. Я пока не решила.

Он засунул руки в карманы.

— Она хамка.

— Есть такое.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что я сама умею отвечать.

— Я заметил.

— И не нуждаюсь в защитнике.

— Тоже заметил.

— Тогда зачем?

Он пожал плечами.

— Захотелось.

— Просто захотелось?

— Да.

Я несколько секунд изучала его лицо, никакой улыбки и привычного издевательства.

— Вы со всеми так?

— Как?

— Вмешиваетесь.

— Нет.

— Почему со мной?

Вот зачем спросила? Теперь он скажет какую-нибудь пошлость, и всё снова станет нормально.

— Не понравилось, как она на вас смотрела.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Очень содержательно.

Я пошла дальше, он открыл машину, мы сели, Максим завёл двигатель. Я пристегнулась, он не трогался.

— Что теперь? — спросила я.

— Вы правда к такому привыкли?

Я нахмурилась.

— К чему?

— К подобным комментариям.

— Господи.

— Что?

— Только не начинайте.

— Я просто спросил.

— Да. Бывает.

— Часто?

— Максим.

— Всё. Понял.

Он выехал с парковки, минут пять мы молчали и это было странно.

Я смотрела в окно, потом не выдержала.

— Спасибо.

Он покосился.

— За что?

— Не заставляйте повторять.

— Я хочу услышать полностью.

— Вот теперь жалею.

— «Максим, спасибо, вы невероятный мужчина...»

— Всё. Закончили.

Он засмеялся и напряжение моментально исчезло.

— Просто спасибо, — буркнула я.

— Пожалуйста.

— Но в следующий раз не надо.

— Надо.

— Нет.

— Да.

— Я сама могу.

— Я знаю.

— Тогда зачем?!

— Потому что вы сами можете, а я всё равно хочу.

Я опять замолчала, полезла в сумку за телефоном.

Максим вдруг свернул.

— Вы куда?

— Надо заехать на пять минут.

— Куда?

— Увидите.

— Нет. У нас договор был только на ресторан и обратно.

— Пять минут.

— Максим.

Он припарковался возле небольшой кофейни.

— Сидите.

— Я вам не собака.

— Это не команда.

— Прозвучало как команда.

— Тогда: пожалуйста, подождите здесь, ваше кондитерское величество.

— Идиот.

Он вышел. Через несколько минут вернулся с двумя стаканами и бумажным пакетом.

Один кофе протянул мне.

— Я не просила.

— Знаю.

— Что это?

— Капучино.

— Откуда вы знаете, что я пью капучино?

— Вчера делали себе.

— У меня хорошая память.

Это почему-то тоже оказалось опасной информацией.

Я взяла стакан.

— А в пакете?

— Посмотрите.

Внутри лежали два пирожных.

Я достала одно. Посмотрела.

— Вы купили мне пирожное?

— Не вам.

— А кому?

— Себе.

— Тогда зачем два?

— Второе тоже себе.

— Понятно.

Я закрыла пакет.

— Отлично.

— Вы можете взять одно.

— Не хочу.

— Врёте.

— С чего взяли?

— Вы смотрите на него уже секунд двадцать.

— Я профессионально оцениваю.

— И как?

— Крем отсажен криво.

— Конечно.

— Глазурь слишком толстая.

— Ужас.

— И клубника...

Я замолчала.

— Что клубника?

— Нормальная.

— То есть есть можно?

— В крайнем случае.

Он достал пирожное и протянул мне.

Я взяла.

— Исключительно ради экспертизы.

— Разумеется.

Я откусила.

М-м. Неплохое. Даже очень.

Но говорить ему об этом я не собиралась.

— Ну?

Я прожевала.

— Шесть из десяти.

— Вы сейчас улыбнулись.

— Нет.

— Улыбнулись.

— Вам показалось.

— У вас крем на губе.

Я машинально провела языком по нижней губе и только потом увидела его взгляд.

Он смотрел не на глаза, а чуть ниже. Внутри стало как-то неожиданно жарко.

Не сильно, но достаточно, чтобы я перестала жевать, Максим медленно поднял взгляд, наши глаза встретились.

Чёрт.

Вот теперь это уже не было обычной перепалкой.

В машине вдруг стало тесно.

Я первой отвернулась.

— Езжайте.

Голос прозвучал чуть хриплее, чем хотелось.

— М-м?

— Домой.

— А пирожное?

— Буду есть по дороге.

Он завёл двигатель.

Улыбался.

Я видела.

— Даже не начинайте.

— Я ничего.

— Вот именно это ваше «ничего» меня бесит.

— Я молчу.

— И правильно.

Первые минуты действительно молчал.

Потом я услышала:

— Лер.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но собираетесь.

— У вас опять крем.

— Где?

— Здесь.

Он показал на уголок своих губ.

Я потёрла.

— Убрала?

Максим посмотрел.

— Нет.

Я потёрла сильнее.

— Теперь?

— Нет.

— Да где?!

Мы остановились на светофоре, он повернулся ко мне и протянул руку.

— Не двигайтесь.

— Что вы...

Большой палец коснулся уголка моих губ, всего на секунду, снял крошечную полоску крема.

Я замерла, он тоже, палец остался слишком близко.

Потом Максим медленно убрал руку.

— Теперь всё.

Светофор стал зелёным, сзади засигналили, Максим отвернулся к дороге и поехал, я смотрела прямо перед собой.

Уши горели, щёки тоже.

Возможно, даже колени.

Хотя не уверена, что колени умеют гореть.

— Не делайте так больше, — сказала я.

— Как?

— Руками.

— Не пользоваться руками?

— Не трогайте меня без разрешения.

Он кивнул.

— Хорошо.

— Кстати, — сказала я.

— Что?

— Долг.

Максим простонал.

— Опять?

- Конечно.
 - Я два часа потратил.
 - Полтора.
 - Пробка считается.
 - Нет.
 - Почему?
 - Потому что вы сидели.
 - За рулём.
 - Какая тяжёлая работа.
 - Ещё торт таскал.
 - Один раз.
 - Восемнадцать килограммов.
 - Четырнадцать.
 - Я чувствовал восемнадцать.
 - У вас мышцы должны быть не декоративные.
- Он посмотрел на меня.
- Вы опять на них смотрите?
 - Господи!
 - Просто уточняю.
 - Остаток долга — две тысячи.
 - Почему две?
 - Я оценила вашу работу в тысячу семьсот сорок.
 - Это унижительно.
 - Можете отказаться и заплатить всю сумму.
 - Нет.
 - Тогда завтра продолжите отрабатывать.

Он медленно улыбнулся.

— То есть вы хотите видеть меня и завтра?

Я моментально поняла, что попалась.

— Нет.

— Но сами предложили.

— Я предложила работу.

— Что делать?

— Придумаю.

— Я могу прийти в фартуке.

— Не надо.

— Без футболки удобнее.

Я закрыла лицо ладонью.

— За что мне это?

— За моральный ущерб.

— Максим.

— Да?

— Ещё одна пошлая шутка и долг снова станет три семь-
сот сорок.

— Это финансовое насилие.

— Оно самое.

— Хорошо. Молчу.

Он действительно замолчал, на целых две минуты.

Потом:

— А если шутка не пошлая?

— Пятьсот рублей.

— За одну?

— Да.

— Дорого.

— Я предупреждала.

— А комплименты?

Я задумалась.

— Тысяча.

— Почему дороже?

— Потому что от вас они подозрительные.

— Логично.

Мы подъехали к дому, Максим припарковался, я отстегнула ремень.

— Спасибо за поездку.

— Второй раз за день.

— Что?

— Вы уже второй раз мне сказали спасибо.

— Не привыкайте.

— Поздно.

Я открыла дверь.

— Лера.

Обернулась.

Он смотрел на меня уже без улыбки.

— Не слушайте таких дур.

Я сразу поняла, о ком он.

— Я и не слушаю.

— Хорошо.

— Меня моя фигура устраивает.

Он медленно скользнул по мне взглядом, у меня моментально перехватило дыхание.

— Меня тоже, — сказал он.

Тишина.

Секунда.

Две.

Я моргнула.

— Что?

Уголок его губ поднялся.

— Тысяча рублей?

Вот скотина.

Я вышла из машины и захлопнула дверь.

— ДВЕ!

Он рассмеялся через открытое окно.

— Почему две?!

— Индексация!

— Значит, долг погашен?

— Нет!

Я пошла к подъезду.

— Лер!

Не оборачиваясь, показала ему средний палец.

Сзади снова раздался смех.

Я вошла в подъезд, нажала кнопку лифта и только когда двери закрылись, посмотрела на своё отражение в зеркале.

Щёки красные, глаза блестят и я улыбаюсь.

— Нет.

Отражение смотрело недоверчиво.

— Даже не думай

Я вошла в квартиру, поставила сумку.

Телефон пискнул.

Максим, квартира 45:

Завтра во сколько выхожу на каторгу?

Я фыркнула.

Я:

В десять.

Он:

Форма одежды?

Я подумала.

Напечатала:

Приличная.

Ответ пришёл моментально.

Он:

Тогда в трусах нельзя?

Глава 3. Не водите сюда женщин

Есть вещи, к которым я отношусь спокойно.

Ремонт по выходным, дети, оружие во дворе, собаки, лающие за стеной.

Мужчины, которые считают, что припарковаться поперёк двух мест — это не отсутствие воспитания, а признак большого мужского достоинства.

Я взрослый человек, умею терпеть. По крайней мере, мне так казалось.

Пока в мою жизнь не переехал Максим.

На третий день нашего соседства я поняла, что стены в доме тонкие.

Просто раньше мне невероятно везло.

Слева от меня жила Тамара Ивановна, которая ложилась в девять вечера, а единственным мужчиной в её квартире был телеведущий.

Справа несколько месяцев квартира пустовала.

И я жила совершенно счастливо, не подозревая, что строители нашего дома сэкономили на звукоизоляции примерно так же, как я экономлю на расходниках.

То есть очень зря.

Всё началось в двенадцать сорок семь ночи.

Я это время запомнила точно.

Потому что именно тогда лежала в кровати с ноутбуком

на животе и пыталась ответить клиентке, которая прислала мне шестнадцать фотографий свадебных тортов и написала:

«Хочу что-то среднее между ними».

Между шестнадцатью.

Тортами.

Один был белый.

Второй чёрный.

Третий вообще в форме замка.

Я уже собиралась спросить, не хочет ли она заодно что-то среднее между борщом, велосипедом и Италией, когда за стеной что-то глухо ударилось.

Бум.

Я подняла голову.

Тишина.

Через пару секунд:

— А-а...

Я замерла.

Нет. Показалось. Наверное, телевизор. Я вернулась к ноутбуку.

«А цветы обязательно должны быть живые, но чтобы не завяли до следующего дня...»

И снова звук.

— М-м-м...

Я медленно убрала руки с клавиатуры. Нет. Это был не телевизор.

Точнее... Теоретически мог быть телевизор, там тоже бы-

вают женщины, очень эмоциональные.

Посмотрела на стену, за ней была спальня Максима.

И снова:

— Да... ещё...

Я захлопнула ноутбук.

— Серьёзно?

Стена мне не ответила. Зато женщина - ответила, причём громко.

Я села на кровати. Сначала мне было смешно.

Ну взрослый мужик, живёт один, не монах, понятное дело, рано или поздно приведёт женщину. И вообще, какое мне дело?

Никакого.

Абсолютно.

Пусть хоть футбольную команду приводит.

Я снова открыла ноутбук.

Опять:

— О боже...

Закрыла ноутбук, нет, работать так невозможно. Взяла наушники, включила музыку, добавила громкость, продержалась минут семь.

Потом в песне наступила тихая пауза и прямо сквозь неё:

— Макс!

Я застыла.

Так. Имя мы уже знаем. Прекрасно.

Добавила громкость ещё, через полчаса всё стихло, я об-

легчённо выдохнула.

Сняла наушники. И внезапно услышала мужской голос:
— Ты серьёзно?

Я наострила уши, не потому что подслушивала. Просто... Стены тонкие. Я не виновата.

— Нет, ну ты даёшь...

Потом смех, его, низкий, знакомый, я почему-то представила, как он улыбается и тут же разозлилась на себя. С чего мне вообще представлять его лицо? Пусть его любовница представляет. У неё сегодня как раз рабочая смена.

Я легла, натянула одеяло, закрыла глаза. В голове совершенно некстати всплыло:

«Меня ваша фигура тоже устраивает».

Нет. На хрен. Я повернулась на другой бок, потом вспомнила его палец у моих губ. На хрен дважды.

Я взяла подушку и накрыла голову.

Всё.

Спать.

Что Максим делает в собственной квартире - его дело. Я совершенно не ревную. Потому что для ревности нужно хотя бы претендовать на мужчину, а я на него не претендую. Я всего лишь хочу, чтобы он выплатил мне долг и перестал появляться передо мной в трусах.

Особенно второе.

На следующий день я Максима не видела и вообще об этом не думала до вечера. Потом почему-то несколько раз

прислушалась, когда хлопнула его дверь, чисто автоматически.

Из профессионального интереса. В одиннадцать я легла. В одиннадцать двадцать за стеной включилась музыка.

Негромко, в одиннадцать сорок кто-то засмеялся. Женщина.

Я открыла глаза.

— Да ладно.

Серьёзно? Вторая? За два дня?

Вот это производительность. Я перевернулась.

— Мне всё равно.

Сказала вслух, чтобы было убедительнее. Минут через пять из-за стены донёсся женский смех.

Я взбила подушку.

— Очень смешно.

Ещё через десять минут кровать где-то рядом подозрительно скрипнула.

Я села.

Нет.

Это уже издевательство.

В моём доме мебель вообще не должна обладать настолько богатой эмоциональной жизнью.

Скрип.

Пауза.

Скрип-скрип.

— Максим, твою мать.

Как будто услышал. Тишина.

Я легла, закрыла глаза.

Скрип.

Схватила телефон.

Почти написала:

Вы там кровать собираете?

Потом стёрла. Нет, это не моё дело. Ещё подумает, что я слушаю.

А я не слушаю, напротив - страдаю. Это разные вещи. Я включила сериал, уснула около двух. Утром вышла из квартиры с мусорным пакетом и столкнулась с Максимом.

Один, в спортивных шортах. С наушниками на шее, волосы слегка влажные. Очевидно, собирался на пробежку. Он улыбнулся.

— Доброе утро.

Я посмотрела на него, потом на его дверь и снова на него.

— Что?

— Ничего.

— По лицу вижу, что-то хотите спросить.

— У меня обычное лицо.

— Нет.

— Доброе утро.

Я прошла мимо.

— Лер.

Остановилась.

— Что?

— Каторга сегодня отменяется?

Я вспомнила наш вчерашний разговор.

— Сегодня много работы.

— Могу помочь.

— Не нужно.

— А долг?

— Я ещё подумаю, как вас эксплуатировать.

Он улыбнулся.

— Мне нравится направление мысли.

Я сощурилась.

— Не в том смысле.

— Как скажете.

— И вообще...

Чуть не сказала:

«Вы, смотрю, и без меня заняты».

Успела вовремя заткнуться, Максим наклонил голову.

— Вообще что?

— Ничего.

— Опять ничего.

— Идите бегать.

— Командуете?

— Мечтаю, чтобы вы ушли подальше.

— Соскучитесь.

— Не надейтесь.

Пошла к мусоропроводу, он ещё пару секунд стоял, я чувствовала. Потом дверь лифта открылась.

— До вечера, Лер.

— Лучше нет.

Он засмеялся, я выбросила мусор, вернулась домой и только закрыв дверь, поймала себя на идиотской мысли.

А где та женщина? Может, ушла раньше. Может, всё ещё внутри. Может...

— Господи, Лера.

Я хлопнула себя ладонями по щекам.

— Тебе двадцать девять лет.

Почему меня вообще интересует количество женщин у соседа? Пускай хоть график составляет.

Понедельник — блондинки.

Вторник — брюнетки.

Среда — санитарный день.

Мне какое дело? Никакого.

На третью ночь я поняла, что дело всё-таки есть. Потому что в час пятнадцать ночи я закончила декорировать капкейки, вымыла кухню, приняла душ и с величайшим удовольствием упала в кровать.

Я устала так, что могла уснуть даже под ремонт. Но ремонт не пришёл.

Пришла женщина, сначала я слышала смех, потом музыку и опять смех.

А потом:

— М-м-м...

Я открыла глаза, посмотрела на потолок.

Нет, только не сегодня, пожалуйста, я устала, у меня завтра подъём в семь.

— О-о...

Закрыла лицо подушкой.

— Умоляю.

Глухой удар, смех, а потом такой стон, что я сняла подушку и посмотрела на стену.

— Да ты издеваешься.

Вот теперь я уже разозлилась, потому что существуют правила общежития.

Мы всё-таки не в лесу. У каждого человека есть право заниматься в своей квартире чем хочет. Но если о том, что он хочет, знают три соседних этажа, возникают вопросы.

Особенно если человек хочет очень старательно.

Я взяла телефон, один час двадцать две минуты.

Открыла чат с Максимом.

Написала:

Пусть ваша женщина стонет тише.

Нет. Это звучит так, будто я ревную. А я НЕ ревную. Выключила телефон, накрылась одеялом.

За стеной снова:

— Да-а-а...

— БЛЯДЬ!

Я села, всё, война. Утром он получит официальное уведомление, письменное, чтобы потом не говорил, что не знал. В шесть пятьдесят я проснулась злая.

Три ночи.

ТРИ.

Я легла в половине третьего, встала в семь, а кому-то, подозреваю, сейчас хорошо.

Нет, так нельзя. Я вышла на кухню, сделала кофе.

Выпила половину, не помогло, сделала второй. Стало достаточно хорошо, чтобы сформулировать претензию без угроз физической расправой.

Я достала блокнот, оторвала лист.

Написала:

«Уважаемый сосед! Либо убавьте громкость по ночам, либо выдавайте беруши всему этажу. Некоторые люди здесь СПЯТ. P. S. Стены ОЧЕНЬ тонкие».

Перечитала, хорошо, вежливо и почти официально, можно ещё печать поставить.

Я вышла в подъезд, приклеила записку на дверь Максима, вернулась к себе и занялась кремом. Минут через двадцать услышала, как открылась его дверь.

Замерла с венчиком в руке, тишина, потом дверь закрылась. Я улыбнулась.

Получил. Через пять минут пошла вынести коробки и остановилась, под моей запиской появилась новая строчка, написанная чёрным маркером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.